

ИСЛАМ И ПРАВО
ISLAM AND LAW
© Исламоведение. 2015.
Том 6. № 3 (25)

ИСЛАМОВЕДЕНИЕ
ISSN 2077-8155 (print)
ISSN 2411-0302 (on-line)
Онлайн-доступ к журналу:
<http://islam.dgu.ru>

УДК 291:94+297

Ж.С. Мажитова

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 24.02.2015
Передана на рецензию: 27.02.2015
Получена рецензия: 20.04.2015
Принята в номер: 25.06.2015

Шариат и/или адат в казахском праве (первая половина XIX в.)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; mazhitova_69@mail.ru

Официальная исламская религия не имела в массе казахского населения достаточно долгое время глубоких корней, поскольку кочевники верили в Небо – Тэнгри, а отношения между ними регулировались нормами обычного права. Позднее Екатерина II в XVIII в. предприняла попытку «окультуривания» казахов в соответствии с европейскими стандартами, открыв в 1778 г. Духовное управление мусульман России, одной из функций которого стало распространение ислама среди казахов.

Мероприятия имперской власти привели к тому, что на территории Казахской степи к началу XIX в. возник правовой плюрализм, включавший нормы адатного права, шариата и некоторые положения российского законодательства. Судя по материалам чиновников Оренбургской пограничной комиссии, обычное право и шариат в процессе параллельного развития смешивались, дополняли друг друга, в итоге был найден наиболее приемлемый вариант сосуществования. Имперское законодательство оставило местным судам элементы адатного права и шариата, однако принцип правового плюрализма исходил из потребности кодифицировать только те судебные практики, которые позволяли впоследствии безболезненно кодифицировать местное право в имперское правовое поле. Выбор между разными судебными практиками – шариат или адат – на территории Казахской степи привел к тому, что российское правительство со временем поддержало адат с целью уменьшения влияния ислама на местное население. Адатное право степи со временем должно было инкорпорироваться в общее российское законодательство, поэтому нормы шариата начали постепенно вытесняться властями из правовой практики казахов.

Ключевые слова: *шариат, адат, бии, правовой плюрализм.*

For a long time, the established Islamic religion had not had strong roots among common Kazakhs, as nomads believed in the Sky - Tengri and used the common law for regulation purposes. Later in the 18th century, Catherine II tried to «civilize» the Kazakhs using the European standards as she established the Spiritual administration of the Muslims of Russia in 1778, whereat one of its functions was to spread Islam among the Kazakhs.

Moreover, Russian administration tended to consolidate Islam among the nomads by building new mosques and the participation of mullahs. The events organized by the Empire government in Kazakh steppe by the beginning of XIX c. had led to the legal pluralism, which included the adat, sharia laws and several Russian state enactments. According to the materials of Orenburg boundary commission officers, sharia and the common law - while being concurrently developed - interconnected, compensated one another and had eventually taken relevant shape for coexistence. The Empire legislation allowed the local courts to use elements

of adat and sharia laws; however, the legal pluralism principle was based on the necessity to codify only those judicial practices, which allowed subsequent seamless codifying of the local law into the Empire legal system. The choice by the Russian government between different judicial practices of Kazakh steppe - sharia and adat - was in favor of adat, as they aimed to weaken the influence of Islam on the local population. Adat steppe law was meant to be incorporated into the Russian legal system, thus, the government began to gradually displace sharia standards from Kazakh legal practice.

Keywords: *sharia, adat, biys, legal pluralism.*

Введение

История традиционных кочевых обществ постоянно привлекала внимание научной общественности. Интерес отечественных и зарубежных ученых мы наблюдаем как в раннее историческое время, так и на современном этапе [3, 4, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19]. Наибольший интерес исследователей вызывают проблемы функционирования законодательства, предназначенного для составных частей империи.

В статье использованы общенаучные и специальные методы исторического и историографического исследования, к ним относятся методы объективности и компаративного анализа.

В исторической науке утвердилось мнение, что ислам к началу XIX века не получил широкого распространения среди казахов. Основными доводами для такого вывода ученых служили следующие факторы. Во-первых, казахи, занимаясь кочевым и полукочевым скотоводством, находились на периферии мусульманской цивилизации. Сезонный характер хозяйства приводил к невозможности изучения основных канонических норм ислама, поэтому он не нашел благоприятной почвы для развития. Во-вторых, нормы обычного права, бытовавшие среди местного населения, регулировали патриархально-родовые отношения, тем самым отвечали требованиям казахов и позволяли сохранять целостность кочевого коллектива. Основные нормы адатного права трактовались биями, к помощи которых казахи прибегали для разрешения возникающих конфликтов. И даже провозглашение ислама государственной религией Сатук Бограханом у караханидов в X в., позднее Узбек-ханом в Золотой Орде в 1320 г. ситуации не поменяли. Ревностно его канонические придерживались лишь немногие. Адат продолжал играть по сравнению с шариатом ведущую роль в урегулировании правовых вопросов в кочевом обществе, сохраняя приоритетную позицию вплоть до XVIII века.

Вхождение казахских земель в состав Российской империи в XVIII в. актуализировало для российского правительства задачу изучения казахского общества, в том числе тех традиционных институтов, которые играли среди кочевников определяющую роль. Имеющиеся скудные этнографические материалы не позволяли в полной мере создать объективную картину жизни новых подданных и значительно затрудняли работу по проведению в крае административно-правовых мероприятий. И даже указ Екатерины II от 30 апреля 1778 г. о составлении уложения обычного права казахов не решил проблемы. Трудность задачи заключалась в отсутствии письменной кодификации норм обычного права, мешал также кочевой образ жизни казахов. Поэтому неудивительно, что даже в начале XX века, как верно заметил генерал-губернатор Степного края Н.А. Сухомлинов, право казахов «и по сей день осталось мертвою буквою! Конечно, кодификация инородческих обычаев дело нелегкое, все же – 120 лет, как хотите» [7, л. 5].

Мероприятия по исламизации казахов в России

Одним из шагов по включению края в орбиту российских отношений стали мероприятия по исламизации казахов, которые рассматривались правительством России как цивилизаторские по отношению к кочевым окраинам. С этой целью территория казахской степи стала подчиняться Духовному управлению мусульман России,

открывшемуся в 1788 году, одной из функций которого стало распространение ислама среди казахов. К тому же строительство мечетей, появление мулл должны были по замыслу российской администрации способствовать усилению позиций ислама среди кочевников.

Насколько процесс исламизации населения был успешным можно судить на основе норм обычного права, зафиксированных российскими исследователями в начале XIX века. Так, в записке Я.П. Гавердовского, побывавшего в западных регионах Казахской степи (1803–1804), написано, что основные догмы ислама виделись казахами в «...многоженстве, что доведено здесь... до чрезвычайности и <в том, чтобы> не питаться свиным мясом. Богомоление и омовение производятся очень изредка, иногда вместо воды обтираются пылью, песком». Все это позволило Я.П. Гавердовскому сделать вывод: «Вера магометанская не производит в них ни споров в разномыслии, ни общего энтузиазма, как в других народах, исповедующих сию веру» [2, с. 440–441]. Кроме индифферентного отношения казахов к исламу, в материалах Я.П. Гавердовского мы не находим сведений о нормах шариата. Нет их и в записях старшины жаппасовского рода К. Шукуралиева, опубликованных Г. Спасским в журнале «Сибирский вестник» в 1820 году.

Первая письменная кодификация норм шариата встречается в сборнике Сибирского комитета (1824) и в работе А.И. Левшина (1832), в которых, к примеру, указываются нормы мусульманского права, касающиеся лишь таких преступлений, как богохульство и богоотступничество, а также меры наказаний за эти преступления (закидывание камнями, лишение наследства).

Однако редкое упоминание норм шариата не говорит об отсутствии его влияния на казахское право. Известно, что в ходе освободительных выступлений казахов первой половины XIX века такие руководители движений, как Арынгазы (1815–1821) и Кенесары Касымов (1837–1847) для укрепления ханской власти произвели своего рода «судебную революцию». Так, они значительно ограничили судебные права родовой знати – биев, а возникавшие иски передавали на рассмотрение назначаемым ими судьям – казы. Причем судебный процесс производился не по законам обычного права казахов, а по шариату [1, с. 115].

Об усилении позиций шариата говорят данные о праве казахов Младшего жуза, собранные в 1840-х годах чиновниками Оренбургской пограничной комиссии. Дело в том, что имеющиеся материалы не давали полного представления администрации края о деятельности судов биев. В 1820–1840-х годах российская администрация провела ряд реформ («Устав о сибирских киргизах», «Устав об оренбургских киргизах», «Положение об оренбургских киргизах», «Об отдельном управлении сибирскими киргизами») для ослабления исполнительной, судебной и законодательной власти руководителей кочевых общин; создания местной управленческой администрации, пользующейся доверием у населения и претворяющей в жизнь решения российских властей; модернизации традиционных правовых (обычное право, суд биев и т. д.) институтов с последующей безболезненной инкорпорацией их в российское законодательство и судопроизводство. Однако проведенные в эти десятилетия реформы лишь отчасти решили поставленные задачи, они стали своего рода первым шагом в этом направлении.

Сбор и систематизация сведений письменного свода адатов казахского общества

Предстоящая модернизация казахского общества и дальнейшее включение обычного права в орбиту общероссийского законодательства вновь актуализировали сбор сведений и составление на их основе полного письменного свода адатов. Поэтому в 1844 г. Оренбургской пограничной комиссии был поручен сбор материалов по адатному праву казахов. В конце 1845 года Оренбургская пограничная комиссия предложила своим чиновникам, находящимся на службе в казахской степи, собрать устные сведения об обычаях народа, имеющих силу закона, и представить собранный материал в Пограничную комиссию к 1 апреля 1846 г. Поступившие рапорты от поручика Аитова,

губернского секретаря Беглова, младшего толмача Лукина, попечителей Александрийского, Костырина, письмоводителей Ячменева, Сосновского, Белозерова, Половорота были во многом схожи и носили характер служебных отписок.

Несмотря на это представленный материал вызывает определенный интерес. Так, в рапорте Аитова в разделе о брачных отношениях казахов мы находим положение о том, что «бракосочетание совершается в ауле невесты по обряду Магометанскому». При разбирательстве дел биями использовалась присяга как средство доказательства виновности или невиновности одной из сторон, при этом в ней принимали участие родственники, «известные по лучшему поведению и испытанные в знании правил Магометанского закона» [6, с. 103, 105]. Положения шариата, судя по рапорту поручика Аитова, применялись и при погребении умерших. Аналогичные сведения можно найти в рапортах других чиновников Пограничной комиссии. Однако сведения носили неполный и отрывочный характер, поэтому для устранения этих недостатков в 1846 году Оренбургским военным губернатором Обручевым было принято решение о командировании в Казахскую степь чиновников особых поручений д'Андре и Шершеневича для завершения работы по сбору материалов. Перед поездкой в степь чиновникам была вручена инструкция, в которой помимо определения важности «...правительственной цели, для которой предлагается собрать и привести в порядок обычаи киргиз (далее казахов. – Ж.М.)» [10, л. 163], в 11 пункте указывалось, что «бии и другие лица, которым представляется ...чинить суд или расправу, в приговорах и решениях руководствуются положениями, основанными на особом толковании обязанностей человека при шариате (подчеркнуто в документе), следовательно, на Алкоране, первоначальном источнике законодателей, а также на неразрывном с ним сборнике преданий об изречениях Магомета и его учеников, признаваемых у мусульман святыми. Разыскание *коренных оснований киргизского народного права* (курсив наш. – Ж.М.) и по возможности определение относительно к Алкорану – было бы весьма полезно» [10, л. 166]. То есть чиновникам предлагалось не просто отделить шариат от адата (*коренного основания казахского права*), но в определенной степени противопоставить их друг другу.

В фондах Пограничной комиссии отложились дела, в которых были представлены только черновики, отчеты и рапорты д'Андре. Выступив в степь 13 июля из крепости Илецкая Защита вместе с отрядом полковника Бларамберга, д'Андре приступил к опросу биев Западной и Средней частей, «известных в орде по своим познаниям киргизских обычаев». Буквально через несколько дней он написал рапорт в Пограничную комиссию, в котором просил передать для перевода с арабского языка применяемые кочевниками нормы казахского права, так как «...коллежский секретарь Григорьев (он участвовал в поездке в качестве переводчика. – Ж.М.) отозван в незнании вовсе арабского языка» [10, л. 47]. Пробыв два с половиной месяца в степи, опросив собранных султанами-правителями известных биев, д'Андре в сентябре того же года, подводя итог своей работы, написал в Пограничную комиссию, что «достигнул своей цели, допросив подробно обо всем, что только соответствовало программам, основанном по данной Вашим Превосходительством инструкции» [8, л. 142 об.].

Уже в ноябре 1846 г. д'Андре представил собранный материал в виде свода норм обычного права. Можно себе представить, насколько трудная стояла перед ним задача – отделить шариат от адата, так как написанный им свод был во многих местах исчерпан ссылками на Коран. Так, он писал: «По маловажным делам основанием суда бия служат собственный ум и опытность. По делам более важным бий прибегает к Алкорану» [12, л. 54]. «Дела особой важности, – писал он далее, – обслуживаются уже не на одних обычаях, а на Алкоране» [12, л. 64]. В черновиках д'Андре приводятся примеры шариатских наказаний: «Определение Алкораном числа 100 и 80 ударов за важное и 3 удара за маловажное преступление не могут быть отменены бием» [6, с. 170].

Фиксация шариатских норм в решении конфликтных вопросов отнюдь не устраняла применение адата, который оставался в кочевой среде общеупотребительным. Вместе с тем материалы д'Андре позволяют проследить появившуюся тенденцию к частичному слиянию правовых норм адата и шариата. Конечно, нормы различались и в мере наказания, и в оценке тяжести того или иного деяния. Однако их взаимовлияние можно проследить на примере мер наказания. Так, «наказание за какую бы то ни было вину (кроме преступления противу веры) может быть заменено выкупом (тугузом). Алкоран», или «мера наказания при повторении одного и того же проступка не изменяется до 3-х раз. За совершение же того же самого поступка в 4-й раз определена смертная казнь или уплата (выкуп)» [6, с. 170].

В этих и других случаях мы видим, что нормы адата и шариата дополняли друг друга, образуя смешанную систему права. Более того, шариат и адат нашли наиболее приемлемый вариант сосуществования. Он заключался в том, что по шариату стали решаться дела, касающиеся религии, семейных отношений, все остальные вопросы регулировались по нормам обычного права. В подтверждение сказанных слов можно привести примеры с погребальными обрядами и свадебными церемониями, которые имели локальные патриархально-родовые особенности, но в то же время содержали обязательную процедуру – чтение священных молитв из Корана. Произошла своего рода рецепция норм шариата в адат. Переплетение правовых норм было настолько крепким и естественным, что, с одной стороны, можно говорить о начале процесса исламизации обычного права, и с другой – об отсутствии правовой дифференциации, так как бии судили дела и по адату, и по шариату.

В то же время считать доступным шариатский суд общей массе кочевников, на наш взгляд, будет неправильным. Тот же д'Андре, отмечая в своем рапорте от 4 ноября 1846 года наличие шариатских норм в казахском праве, писал «суд, основанный на Алкоране, почти вовсе недоступен к общепринятому в Орде разбирательству, отчасти потому, что бии не в состоянии исполнять строже суры Магоммеда, а также и от того, что самих киргизов нельзя назвать ревностными поклонниками своего пророка» [8, л. 156 об.]. Д'Андре был убежден, что шариат рассчитан на образованные народы, знающие письменность; казахи же были «...еще так дики, понятия ...столь малоразвиты в отношении моральном» [8, л. 156 об.], что привитие им норм шариата казалось делом неопределенного будущего: у них были сильны позиции адата. Хотя подвижки в этом направлении в представленном им своде уже имелись.

В 1847 г. Оренбургской пограничной комиссией было принято решение об отправлении д'Андре в три части Младшего жуза для дополнения и приведения в единую систему обычного права казахов [11, л. 15]. В этот раз д'Андре сразу же попросил предоставить ему «нижеследующие книги: 1. Описание киргизских степей сочинения Левшина; 2. Описание Оренбургского края Эверсмана и 3. Алкоран в переводе на русский или французский языки» [11, л. 31]. Однако составленный д'Андре свод обычного права казахов был встречен с неодобрением в администрации края. Так, созданная по распоряжению оренбургского военного губернатора Комиссия «...нашла рапорт д'Андре неудовлетворительным, во-первых, потому что в сборнике не было правильной системы, и статьи не связаны последовательностью, во-вторых, важные статьи были пропущены и сами статьи неполные» [11, л. 69 об.]. Полагаем, что за формальными словами комиссии стоит официальное осуждение администрацией Оренбургского края работы чиновника д'Андре в связи с некоторой идеализацией им суда биев (что не является предметом исследования в этой статье) и показом благополучного сосуществования двух разных норм права: шариата и адата.

Поэтому в 1849 году эта работа поручается чиновнику Азиатского департамента Министерства иностранных дел коллежскому секретарю О.А. Осмоловскому, «...изучавшему кроме киргизского и другие восточные языки, знакомому некоторым

образом с верою ислама, с историею Востока, его поверьями и преданиями, следовательно, более прочих способному исполнить это поручение» [11, л. 70 об.]. О.А. Осмоловский вместо назначенных ему для работы 3-х месяцев провел на территории Младшего жуза гораздо больше времени. Такая задержка в сроках связана, на наш взгляд, с тем, что О.А. Осмоловский обнаружил определенную разницу в нормах права. Так, он писал: «Не удержался от сделания общего взгляда на киргизские обычаи и от определения отношения их к Алкорану и вообще шариату, иль законам мухаметанским, потому что киргизы Восточной части орды, в которой составлен мною сборник, заметно отличаются от киргизов других частей как своим образованием, так и образом жизни; кроме того, нельзя сказать, чтобы на киргизов Восточной части, имеющих по своим торговым оборотам беспрестанные сношения с другими народами, как то: бухарцами, хивинцами, кокандцами и наконец русскими, не действовало чуждое влияние, могущее значительно изменить самобытный характер народа, а следовательно, и его обычаи» [11, л. 111 об.].

Очевидно, влияние культуры соседей (мусульман бухарцев, хивинцев и т. д.) на казахов Младшего жуза было столь серьезным, что О.А. Осмоловский в 1850 году вновь для перепроверки своего сборника отправился в Среднюю, Западную части и Букеевскую Орду с тем, чтобы найти объяснение «тем киргизским обычаям, которые могли бы показаться странными и невероятными, но на самом деле существующие, и показать отношение этих обычаев к мусульманским законам, или шариату» [11, л. 194 об.]. О сложности и мозаичности правовой ситуации в южных районах казахской степи говорит письмо от 10 апреля 1849 года генерала от инфантерии Обручева, в котором он признал необходимым для предотвращения беспорядков и злоупотреблений казахам «Раимского укрепления... всякое разбирательство оканчивать миролюбиво... в точности держась шаригата и народных обычаев» [13, л. 1].

К сожалению, собранные О.А. Осмоловским материалы отсутствуют в делах Пограничной комиссии. Мы смеем предположить, что «обновленный» свод норм казахского права подтвердил, а где-то усилил позиции шариата в правовой практике тех казахов, которые граничили со среднеазиатскими народами, что в условиях политики инкорпорации местного права в общероссийское законодательство считалось нежелательным.

Усиление позиций шариата в крае, правовые реформы империи в первой половине XIX века (сфера приложения российских законов была весьма ограничена: измена, разбой и т. д.) и собственно местный адат привели к возникновению нормативного плюрализма как правовой системы. Каждая правовая подсистема в свою очередь в силу внутренних и внешних факторов, конечно же, влияла на соседнюю. Процесс исламизации адатного права на рубеже XVIII–XIX веков был столь видимым, а мероприятия властей по включению казахского края в российское правовое пространство столь неощутимы, что этот процесс вызывал беспокойство в имперской России.

Отношение властей к шариату можно выразить словами Н. Максимова, говорившего, что адат «продукт жизненный и способный развиваться при дальнейшем развитии народного кругозора. Шариат, имея основой неподвижный Коран, заключающий в себе альфа и омегу мусульманской мудрости, есть материал мертвый, ни к развитию, ни к уступкам неспособный, а к тому же непримиримо враждебный гяуру, т. е. всякому христианину» [5, с. 64]. Из цитаты видно, что шариат со своими «ценностными» принципами никак не вписывался в российскую концепцию правового плюрализма, поэтому можно понять нейтральное отношение властей к адату и постепенно нараставшее отрицательное к шариату.

О том, насколько российские власти опасались влияния шариата на право кочевников, можно судить, исходя из одного архивного источника. В конце XIX века на имя Степного генерал-губернатора Г.А. Колпаковского поступил рапорт от военного губернатора Семиреченской области Иванова, в котором он ставил в известность

начальство о том, что управители, бии и старшины не желают носить должностные знаки, ссылаясь на то «...что на знаках имеется над Императорскою Короною изображение креста, вследствие чего они сомневаются в том, дозволяет ли их магометанская религия носить такие знаки» [9, л. 1]. В документе указывалось, что казахи просили предоставить им двухмесячный срок «дабы они в это время могли спросить Оренбургского муфтия о том, можно ли им по их религии носить означенные знаки» [9, л. 1 об.].

Коллективное заявление местных властей настолько встревожило администрацию края, что решено было направить в Иссык-Кульский уезд чиновника особых поручений, которому вменялось «немедля из под руки, негласным путем ознакомиться со столь странным явлением и затем в случае надобности принять своевременно энергичные меры к искоренению зла в самом зародыше» [9, л. 7].

В письме Г.А. Колпаковского подчеркивался индифферентизм казахов в делах религии, поэтому причину появления таких тревожных явлений он видел во «вредной для русской власти пропаганде в степи татарских мулл или, быть может, каких-либо выходцев из сопредельных мусульманских стран, например из Афганистана, что весьма возможно ввиду пограничного положения Иссык-Кульского уезда и значительного наплыва туда кашгарцев, бухарцев, сартов, в числе коих могут быть и афганцы-эmissары Абдурахмана. При последнем предположении, настоящий случай, на мой взгляд, заслуживает особенного внимания главного начальника края» [9, л. 6 об.].

Тревоги и опасения российских властей оказались излишними. Расследование показало, что всему причиной стала обычная «партийная борьба» между родовыми группами за место на низовой служебной лестнице. Возникшая ситуация и разъяснение российских чиновников казахам, что «на том же знаке есть и луна – знак веры Магометан, находящийся под покровительством Монарха» [9, л. 14], показывает, что, с одной стороны, правительство было обеспокоено возможным влиянием исламских государств на южные регионы Казахстана, с другой – понимало и поддерживало «индифферентное» отношение казахов к религии.

Заключение

Таким образом, в первой половине XIX века на территории Казахской степи в ходе сбора чиновниками Оренбургской пограничной комиссии норм обычного права наблюдается возникновение правового полиюридизма, включавшего нормы адатного права и шариата, а также некоторые положения российского законодательства. Обычное право и шариат в процессе параллельного развития смешивались, дополняли друг друга, в итоге был найден наиболее приемлемый вариант сосуществования. Он заключался в том, что по шариату стали решаться дела, касающиеся религии и семейных отношений, все остальные вопросы регулировались по нормам обычного права. Однако в цели российских властей по инкорпорации права местного населения в российское законодательство это не входило. Поэтому официальные власти при проведении реформ оставили казахам адат, в то же время опасаясь влияния шариата, начали постепенно вытеснять его из правовой практики казахов.

Литература

1. Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. – Алматы: Казак университети, 1992. – 400 с.
2. Гавердовский Я.П. Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я). Или описание страны и народа киргиз-кайсацкого // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 670 с.

3. *Джейн Бёрбэнк*. Местные суды, имперское право и гражданство // Российская империя в сравнительной перспективе. – М.: Московское издательство, 2004. – С. 320–358.
4. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. Т. II. В царской и ранней советской России / сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. – М.: Изд. дом «Марджани», 2009. – 272 с.
5. *Максимов Н.* Народный суд у киргизов // Журнал юридического общества. – 1897. – Кн. 8. – С. 48–80.
6. Материалы по казахскому обычному праву. – Сб. 1. – Алматы: Жалын, 1998. – 464 с.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 427. Оп. 1. Д. 283.
8. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф. 4. Оп. 1. 401.
9. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 440.
10. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2380.
11. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2382.
12. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2794.
13. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3543.
14. *Bobrovnikov V.* Translation in the Making of Post-Communist Islamic Language: The Case of Majmu'at al-Fawa'id by Sa'id-afandi al-Chirkawi // Asia and Africa in the changing world. The XXVIII International Conference on Historiography and Source Studies of Asia and Africa. – St. Peterburg, 2015. – P. 428–429.
15. *Litvinskii B.A.* The Ecology of the Ancient Nomads of Soviet Central Asia and Kazakhstan. In: Ecology and Empire: Nomads in the Cultural Evolution of the Old World. – Los Angeles, 1989. – P. 61–72.
16. *Mazhitova Z.S.* Place and role of the Biy Council and people's assembly in the traditional Kazakh society of the XVIII–XIX centuries. (following the data of the pre-revolutionary Russian historiography // Asian Social Science. – 2014. – Vol. 10, №. 20. –P. 129–136.
17. *Olcott M.B.* The Emergence of National Identity in Kazakhstan // Canadian Review of Studies in Nationalism. – 1981. – Vol. 8, № 2. PP. 285–300.
18. *Saray M.* The Russian Conquest of Central Asia. Central Asia Survey. – 1982. – Vol. 1, №. 2/3. – P. 1–31.
19. *Singer A.* Contemporary Khanates: Compromises Adopted by Kazakh and Kirghiz Leaders. Ecology and Empire; Nomads in the Cultural Evolution of the Old World. Ethnographies/USC. – Los Angeles, 1989. – P. 193–203.

References

1. Bekmahanov E.B. *Kazakhstan v 20–40-e gody XIX veka [Kazakhstan in the 1820s – 1840s]*. Almaty: Kazak univertiteti, 1992, 400 p. (In Russian).
2. Gaverdovskij YA.P. Obozrenie Kirgiz-kajsakskoj stepi (chast' 2-ya) ili Opisanie strany i naroda kirgiz-kajsakskogo [Review of Kyrgyz-Kisakh steppe (part 2), or the description of Kyrgyz-Kisakh country and people] *Istoriya Kazakhstana v russkih istochnikah XVI–XX vekov. [History of Kazakhstan in the Russian sources of the 16th -20th centuries.]* Almaty: Dajk-Press, 2007, 670 p. (In Russian).
3. Dzhejn Byorbehnk. Mestnye sudy, imperskoe pravo i grazhdanstvo [Local courts, Imperial law and citizenship] *Rossijskaya imperiya v sravnitel'noj perspektive. [Imperial Russia*

in comparative perspective.] Moscow. Moskovskoe izdatel'stvo, 2004, pp. 320–358. (In Russian).

4. *Obychaj i zakon v pis'mennyh pamyatnikah Dagestana V – nachala XX v.* [Customs and law in the manuscripts of Dagestan of the 5th – early 20th centuries]. Vol. II. V carskoj i rannej sovetskoj Rossii / sost. i otv. red. V.O. Bobrovnikov. Moscow. Izd. Dom Mardzhani, 2009, 272 p. (In Russian).

5. Maksimov N. Narodnyj sud u kirgizov [The people's court of the Kyrgyz] *Zhurnal juridicheskogo obshchestva*. [Journal of the Law Society.] 1897. Vol. 8, p. 48–80. (In Russian).

6. *Materialy po kazahskomu obychnomu pravu* [Materials on Kazakh common law]. Vol. I. Almaty: ZHalyn, 1998, 464 p. (In Kazakhstan).

7. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [The Russian State Historical Archives]. F. 427. Op. 1. D. 283. (In Kazakhstan).

8. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan] (dalee – CGA RK). F. 4. Op. 1. 401.

9. CGA RK. F. 4. Op. 1. D. 440.

10. CGA RK. F. 4. Op. 1. D. 2380.

11. CGA RK. F. 4. Op. 1. D. 2382.

12. CGA RK. F. 4. Op. 1. D. 2794.

13. CGA RK. F. 4. Op. 1. D. 3543.

14. Bobrovnikov V. Translation in the Making of Post-Communist Islamic Language: The Case of Majmu'at al-Fawa'id by Sa'id-afandi al-Chirkawi *Asia and Africa in the changing world. The XXVIII International Conference on Historiography and Source Studies of Asia and Africa*. St. Peterburg, 2015, pp. 428–429.

15. Litvinskii B.A. The Ecology of the Ancient Nomads of Soviet Central Asia and Kazakhstan. In: *Ecology and Empire: Nomads in the Cultural Evolution of the Old World*. Los Angeles, 1989, pp. 61–72.

16. Mazhitova Z.S. Place and role of the Biy Council and people's assembly in the traditional Kazakh society of the XVIII – XIX centuries. (following the data of the pre-revolutionary Russian historiography. *Asian Social Science*. 2014. Vol. 10, № 20, pp. 129–136.

17. Olcott M.B. *The Emergence of National Identity in Kazakhstan*. *Canadian Review of Studies in Nationalism*. 1981. Vol. 8, № 2, pp. 285–300.

18. Saray M. *The Russian Conquest of Central Asia*. *Central Asia Survey*. 1982. Vol. 1, no. 2/3, pp. 1–31.

19. Singer A. Contemporary Khanates: Compromises Adopted by Kazakh and Kirghiz Leaders. *Ecology and Empire; Nomads in the Cultural Evolution of the Old World*. *Ethnographies/USC*. – Los Angeles, 1989, pp. 193–203.